

В этом мире молодые звери изначально не обладают способностью атаковать, они лишь защищаются, нападая.

За последние несколько лет дикость и настороженность Сюй Цы постепенно ослабли, особенно за последний месяц: в его присутствии он стал таким покладистым и милым, что от него невозможно было оторваться. Эти изменения очень радовали его.

Сюй Цы, который уже перестал плакать, снова разрыдался. Как мог наследный принц быть к нему настолько снисходительным, как мог он так бескорыстно о нем заботиться? В сердце Сюй Цы смешались раскаяние и сладость, переполняя его чувствами.

Он крепче обнял руку Ли Хаочэня и тихо плакал, уткнувшись ему в шею.

Теплые соленые слезы стекали по длинной шее Ли Хаочэня к груди. Ли Хаочэнь почувствовал, как в груди сжала острая боль, и она была сильнее, чем когда он страдал сам.

— Что с тобой? Сегодня ты словно девушка, плачешь без остановки, — крепче прижав Сюй Цы к себе, сказал Ли Хаочэнь, и лишь тогда боль в груди немного утихла.

— Ваше Высочество, через пять лет я обязательно стань чжуаньюанем. К тому времени вы должны привезти мне с передовой самого красивого и благородного скакуна в мире. Я хочу, чтобы вы увидели меня в красной мантии чжуаньюаня, верхом на скакуне, когда я буду в центре внимания всех, счастливый и гордый, — в сердце Сюй Цы с глубокой тоской не хотел отпускать принца на фронт, но он не мог открыто попросить его остаться, чтобы не омрачать мысли принца и не быть ему обузой.

Слегка рассмеявшись над детскими словами Сюй Цы, Ли Хаочэнь ответил мягким и хриплым голосом:

— Хорошо, я обещаю.

Сюй Цы больше ничего не сказал, и Ли Хаочэнь тоже промолчал.

Они обнимали друг друга: один гладил по спине, другой прятался на груди. Так, шаг за шагом, Ли Хаочэнь дошел до покоев наследного принца.

Сюй Цы, пьяный и долго плакавший, уже не мог сопротивляться сну. Когда принц положил его на кровать, раздел и укрыл одеялом, он ничего не почувствовал и крепко уснул.

Ли Хаочэнь с нежностью покачал головой и тихо усмехнулся. Действительно, все еще ребенок: заплакал и сразу уснул. Поглядев на него еще немного, он повернулся и направился в кабинет.

На следующий день, когда Сюй Цы проснулся, солнце уже высоко стояло на небе. Голова раскалывалась от боли, он с раздражением перевернулся, но обнаружил, что это не его дом. Вокруг была простая и изысканная обстановка, без роскошных украшений, но полная глубокого смысла и элегантности.

Это были покои наследного принца.

Осознав это, Сюй Цы резко сел на кровати, напугав евнуха Чжоу, которого принц приказал остаться, чтобы присматривать за ним.

Увидев, что он проснулся, евнух Чжоу поспешно подошел:

— Второй господин Сюй, вы наконец-то проснулись.

— Где принц?! — Сюй Цы крепко вцепился в рукав евнуха Чжоу и торопливо спросил.

— В час змеи он только что отправился, сейчас, должно быть, уже у ворот дворца.

— Что?! — Сюй Цы соскочил с кровати, схватил одежду и наспех набросил на себя, бросаясь к выходу. — Я должен провести его.

В прошлой жизни он не смог провести принца в его первый поход, как же он мог снова это пропустить?

Евнух Чжоу плотно следовал за Сюй Цы; видя, как тот идет шатаясь и несколько раз чуть не падает, у него сердце замерло от ужаса.

Ох, принц перед отъездом тысячу раз наказал хорошо присматривать за вторым господином Сюй. Если с тем что-то случится, ему не сдобровать.

— Ох, второй господин Сюй, не так быстро, медленно, смотрите под ноги.

Дорогу, которую обычно проходили за время сгорания одной палочки благовоний, Сюй Цы в своем неуверенном беге преодолел за время, пока выпивают чашку чая. Когда он добежал до ворот дворца, он как раз увидел, как принц в легкой одежде закончил встречу с Гунсунь То и готов был отправиться в путь.

Не теряя ни секунды, Сюй Цы вырвался вперед и громко крикнул:

— Ваше Высочество!

Его крик заставил принца, уже правившего конем, остановиться.

Сюй Цы поспешил вперед, забыв о церемониях, снял с пояса нефритовый талисман, который всегда носил с собой.

— Ваше Высочество, это нефритовый талисман, который мой дед по материнской линии получил от мастера Пухуэй с горы Чжуннань, когда я родился, попросив освятить его. Он может защитить того, кто его носит, от бед и превратить несчастье в удачу. — Он встал на цыпочки и протянул талисман Ли Хаочэню, сидевшему верхом; в его голосе звучали нежность и нежелание расставаться. — Вы обязательно должны вернуться живым и невредимым.

Ли Хаочэнь наклонился, принял талисман и погладил растрепанные волосы Сюй Цы.

— Не волнуйся, я обязательно привезу тебе скакуна. Этот талисман я забираю, а ты скорее возвращайся.

Провожать друга в путь — это всегда расставание. Если все равно нужно прощаться, не стоит слишком привязываться и тянуть; лучше быстро разрубить узел, чтобы не пошатнуть твердое решение.

Сюй Цы твердо кивнул, совершил земной поклон:

— Сюй Цы желает Вашему Высочеству победы и триумфального возвращения!

И затем, не оглядываясь, под указанием евнуха Чжоу вернулся внутрь дворцовых ворот.

Принц с армией отправился на Северную заставу сражаться с армией Цзялоу. Этот поход продлился пять лет.

Вскоре после отъезда принца в доме Сюй произошли кардинальные изменения, прошла большая перестановка.

В тот день, когда принц уехал, как только Сюй Цы вышел на улицу, он увидел Нянь Бая, Нянь Сяо, Янь Сы и пятерых братьев А Нью, которые с нетерпением ждали его на улице.

Увидев возвращение Сюй Цы, они радостно подошли к нему и заговорили все разом, что не стоит возвращаться в дом Сюй, а лучше сразу отправиться в дом Тайгуна Суна.

Оказывается, вчера Сюй Чанцзун, разозленный тем, что Сюй Цы внезапно явился на банкет, да еще и под воздействием вина, вернувшись домой, начал отчитывать госпожу Ван, обвиняя ее в «плохом воспитании детей» и «потере женской добродетели», и даже хотел ударить её по щеке.

В тот момент госпожа Ван как раз собиралась напоить вернувшуюся одну Сюй Цзысянь супом от похмелья, как ворвался Сюй Чанцзун. Госпожа Ван стиснула зубы и терпела, но Сюй Цзысянь, услышав, как он оскорбляет мать, не выдержала.

Не говоря ни слова, она рукой и ногой вышвырнула Сюй Чанцзона из комнаты, и он упал в пяти метрах во дворе. Сюй Чанцзун тут же харкнул кровью, закатил глаза и потерял сознание.

Обычно Сюй Цзысянь против обычных людей использовала не более трети силы, но кто мог знать, что в тот вечер она была пьяна и в ярости, поэтому действовала, не думая о последствиях. С первой же секунды она применила полную силу, так что Сюй Чанцзону теперь не умереть — так тяжело ранить остаться.

Обморок Сюй Чанцзуна до смерти напугал пришедших посмотреть на шум госпожу Линь, госпожу Ян и остальных: они начали визжать, поднимать его, звать врача и пытаться схватить людей.

К счастью, Байли Сиянь вовремя подросла и увела Сюй Цзысянь и госпожу Ван в свое уединенное жилище в заднем дворе, чтобы защитить их. Байли Сиянь обладала высоким мастерством, и толпа ничего не могла с ней поделать, лишь бессильно ждала.

Врачи всю ночь оказывали помощь иглоукалыванием, и только утром следующего дня Сюй Чанцзун медленно пришел в себя. Проснувшись и узнав от врача, что едва не погиб, он был в ужасе, чувствуя и ненависть, и страх.

Сюй Цзысянь в таком юном возрасте одним ударом могла лишить его жизни. Если она станет старше, разве он не окажется в положении рыбы на разделочной доске?

Она уже сейчас смеет так обращаться с ним, что будет в будущем? В Сюй Чанцзуне вскипела злость, а подлость переполнила его сердце. Лучше уничтожить беду, чем оставлять её.

Но даже тигр не ест своих детенышей, как же он может убить Сюй Цзысянь?

Но затем он вспомнил, что едва не погиб от ее руки, и это снова заставило его дрожать от страха. Хм, всего лишь позорище, ублюдок, а мать его — всего лишь низменная шлюха.

К тому же она первой напала на него, не проявила сыновней почтительности, не уважала

старших и пыталась убить собственного отца — по закону подлежит казни.

Он тут же приказал любой ценой схватить Сюй Цзысянь, наказать по семейным правилам и забить палками до смерти. Что касается госпожи Ван — она плохо воспитала дочь, подстрекала её к убийству отца — сто ударов палкой и отправить в власти.

За спиной Сюй Цы стоял принц; хотя принц уехал, его силы остались, и Сюй Чанцзун не смел трогать его, но это не значило, что он не тронет Сюй Цзысянь и госпожу Ван.

Если загнать зайца в угол, он и укусит. Ты хочешь мне навредить, убить меня? Я сделаю так, что ты умрешь без места погребения, мне плевать, есть ли у тебя такой богатый отец, как Ван!

Эгоизм Сюй Чанцзуна достиг чудовищных пределов: он думал только о том, как другие причиняют ему боль, но не помнил, как сам причинял боль другим сотнями способов.

Но этот приказ не успел долго действовать, так как его опозорил внезапно вломившийся Тайгун Сун, отец императрицы Шэндэ и сановник трех династий.

Тайгун Сун ворвался в особняк во главе отряда Императорской гвардии, гордо и величественно, с огромным размахом; более ста гвардейцев окружили дом Сюй, блокировав его наглухо.

Тайгун Сун был сторонником партии наследного принца, и Сюй Чанцзун знал это, но сейчас он был уверен в своей правоте и не боялся спора.

Но когда Тайгун Сун узнал, что он собирается подвергнуть двух женщин наказанию палками, он тут же ударил по столу, топал ногой и брови:

— Как смеете вы так позорить мою дочь и внучку!

Услышав это, Сюй Чанцзун харкнул застоявшейся в груди кровью и снова потерял сознание. Тьфу ты, когда же госпожа Ван стала дочерью Тайгуна Суна?

Госпожа Линь потеряла самообладание и, стоя на коленях у кровати, громко рыдала.

<http://bllate.org/book/16473/1495760>